

Неизвестное об известном
Вег. Москва - 1990 - 22 экз.

ПАВЕЛ КОРЧАГИН,

или КАК ЛЕГКО СУДИТ О НЕМ СОВРЕМЕННЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Недавно я встретил мою хорошую знакомую, с которой учился лет тридцать назад в одной школе, и она пожаловалась, что ее сын, учащийся московского ПТУ, наотрез отказался писать сочинение по роману «Как закалялась сталь», а преподаватель литературы не ставит зачет без этой работы.

Да, трудное сегодняшнее время переоценок героики прошлого, идеалов революции и вообще всего, что совсем недавно казалось нам столь ясным и очевидным, нанесло удар прежде всего по нашим детям. Волна перестроенных публикаций и выступлений, рассчитанных на сиюминутный успех и зачастую лишенных начисто серьезных фактических данных, обрушилась на молодые умы, еще не всегда способные отличить добрые ростки от плевел, правду от кривды, элементарную сенсационную ложь от неприметной некричащей истины.

Добрались сегодня переоценщики и до Николая Островского. И это неудивительно, ибо без него, без его слов «Самое дорогое у человека — это жизнь...» просто невозможно говорить о литературной эпохе тридцатых, да и стоит ли? Не будучи профессиональным писателем, но с «божьей искрой» в голове, Островский писал то, что видел и хорошо знал. Не вина его, а беда в том, что ставший скоро знаменитым роман был при самом рождении урезан на одну треть и выпущен покоренным, что образ Павки Корчагина из живого парня редакторски умело превратился в иконообразную статую — непогрешимую, безошибочную, фанатичную. Островский писал Корчагина другим и значительно шире и правдивее показывал окружающую его жизнь в один из самых трудных моментов истории нашего государства — период перехода от политики военного коммунизма к нэпу, когда многие судьбы людей, как, к сожалению, и сегодня, ломались, гнулись от непонимания происходящего, когда порой любящих друг друга людей история разбрасывала по разные стороны баррикад.

Неопубликованные страницы романа «Как закалялась сталь» рассказывают именно об этой стороне жизни. Познакомься с ними юный учащийся, в штыки принимающий сегодня Островского, прочти он не публиковавшиеся ранее письма писателя, уверен, что и без угрозы неспадчи зачета он захотел бы сам писать сочинение по роману «Как закалялась сталь». Островский верил в революцию, но это не значит, что он защищал несправедное, ибо сама революция совершалась во имя счастья людей, а не во имя горя.

Сегодня, когда исполняется 54 года со дня смерти Н. Островского, предлагаем исключенный при публикации отрывок из шестой главы второй части романа, заставляющий читателя задуматься не только о том далеком прошлом, но и о нашем беспокойном настоящем.

Евгений БУЗНИ,
член СЖ СССР.

Павел Корчагин приезжает в Москву на Шестой съезд Российского Коммунистического Союза Молодежи. В гостинице он неожиданно встречается с Ритой Устинович. Их разговор об Анне Борхарт и Дубаве не попал в книгу.

«Они сели в углу, Рита посмотрела на часы.

— До начала сорок минут, расскажи мне о Дмитрии и Анне, — сказала Рита, немного смущаясь от того, что Корчагин смотрел на нее, не отрываясь.

— Я с ним виделся недавно, пользуясь своим приездом на Всеукраинскую конференцию. С Анной виделся несколько раз, а с Митяем один, и то лучше бы не встречались.

— Почему?

Корчагин молчал, чуть вздрогнула бровь над правым его глазом. Она знала причины этого движения. Это было всегда признаком волнения.

— Расскажи же мне, я ведь ничего не знаю.

— Рита, я не хотел бы сейчас об этом рассказывать, но ты настаиваешь? Подчиняюсь.

При мне произошел их окончательный разрыв и, по-моему, Анна не могла поступить иначе. У них нагрозилось столько разногласий, что разрыв явился единственным выходом. Началом разрыва стали их партийные разногласия. Дубава все время в оппозиции. В Харькове я узнал об его выступлениях в Киеве, куда он ездил с Шумским.

— Что, разве Михайла троцкист?

— Да, был, но сейчас отошел. Мы с Жарким с ним долго говорили, он теперь с нами, чего никак нельзя сказать о Митяе. Тот, чем дальше в лес, тем больше дров. Но вернемся к Анне. Она мне передала все.

Дмитрий погряз в антипартийной борьбе с головой. Анна выслушала немало оскорблений вроде: «Ты серая партийная лошадка, везешь, куда хозяин прикажет» или еще похуже. Несколько таких столкновений сделали их чужими. Когда Анна заговорила о разрыве, Дмитрий, видимо, не желая ее терять, уверил, что между ними не будет больше недомолвок, и просил не оставлять его, помочь ему пережить кризис. Анна пошла на это, и одно время ей казалось, что все уладится. Она от него не слыхала больше злобных выпадов. Он отмалчивался в ответ на

ее пропаганду, и Анна поверила, что он всерьез пересматривает свои прошлые установки. От Жаркого она узнала, что Дмитрий в комвузе перестал мутить, и в личных отношениях у них наступило перемирие.

И вот недавно Анна почувствовала себя нехорошо на работе. Она становилась матерью. Пришла домой, закрыв дверь, прилегла. У них с Дмитрием смежные комнаты, есть дверь, но, по общему уговору, заколочена.

Скоро Дубава пришел к себе с целой группой товарищей, и она невольно стала свидетельницей совещания организационной троцкистской группы. И Анна наслушалась таких вещей, какие ей и не снились.

Между прочим, к Всеукраинской конференции комсомола они отпечатали нечто вроде декларации, решено было раздать ее из-под полы делегатам. Для нее стало ясно, — Дмитрий просто сманеврировал. Когда все разошлось, Анна позвала Дмитрия и потребовала объяснить все происходящее.

В этот день я приехал в Харьков на конференцию и в ЦК встретился с киевлянами. Таля дала мне адрес Анны. Они жили совсем близко, и я решил до обеда заглянуть к ней, так как в женотделе ЦК партии, где она работает инструктором, мы ее не застали. Таля и остальные тоже обещали прийти туда. Как видишь, я к ним шел как раз в пору. — Корчагин грустно улыбнулся.

Рита слушала его, слегка сдвинув разлет бровей, опираясь локтем на обшитый бархатом край ложи. Корчагин молчал. Он смотрел на Риту, вспоминал ее, какой она была тогда в Киеве, и, сравнивая ее в настоящем, еще раз признал, что Рита выросла в цветущую здоровьем, привлекательную молодую женщину. На ней уже не было бессменной военной гимнастерки. Ее заменило просто, но изящно сшитое синее платье. Она возвратила его к рассказу легким прикосновением пальцев, сжавших его руку.

— Я слушаю, Павел.

Он продолжал, уже не выпуская этих пальцев из своей руки:

— Анна встретила меня с нескрываемой радостью, Дмитрий с холодком. Он, оказывается, уже знал о моей борьбе с оппозицией. Встреча вышла странная. Я должен был стать чем-то вроде судьи. Анна мне рассказывала, а Дмитрий ходил по

комнате, курил папиросу за папиросой и, видимо, нервничал и злился.

«Видишь, Павлуша, он обманывает не только меня, но и партию. Организовывает какие-то подпольные кружки, продолжает свою склочную работу, а мне говорит, что все закончено. А ведь он в комвузе заявлял, что считает постановления конференции правильными. Он называет себя честным, а в то же время занимается наглым обманом. Конечно, между нами нет ничего общего. Я напишу сегодня в ГубККА», — возмущенно говорила мне Анна. Дмитрий сквозь зубы процедил: «Что ж, иди, доноси. Ты думаешь, мне очень хочется быть членом той партии, в которой даже жены занимаются шпионажем и подслушиванием».

Это было много даже для Анны, и она крикнула Дмитрию, чтобы он уходил. Когда он вышел, я сказал Анне, что хочу с ним поговорить. Она ответила, что это бесполезно, но я все же пошел. Ведь мы с Митяем были когда-то большие друзья. Я думал, что его можно еще выровнять.

Захожу к нему, он лежит на кровати и сразу же меня предупредил: «Только не агитируй, пожалуйста, надоело мне это до смерти». Но все же говорить пришлось. Я старое вспомнил: «Неужели наши прошлые ошибки тебя ничему не научили? Помнишь, — говорю, — Дмитрий, как нас мелкобуржуазная стихия на борьбу против партии бросила?». Что же он мне ответил? «Мы с тобой, Павел, тогда рабочими были, не боялись говорить то, что думали, а думали мы не так уж неверно. До нэпа была настоящая революция, а сейчас какая-то полубуржуазная. Нэпачи жиреют, в шелках ходят, а безработица в стране невероятная. Наши советские и партийные верхушки тоже онэпачиваются. Жен буржеек понахватали себе, и вся политика направляется к развитию буржуазии. О диктатуре как-то стесняются говорить, с крестьянством либеральничают. Растим кулака, который скоро станет хозяином на селе, и вот, — говорит, — увидите, через пять-шесть лет у нас под шумок прикроют Советскую власть, и будет, как во Франции после Термидора. Нэпачи станут министрами в новой буржуазной республике, а нам с тобой, если будем гавкать, поссорачивают головы. Одним словом, скоро доживемся до ручки».

Как видишь, Рита, ничего нового Дубава не выдумал. Старые троцкистские перепевы. Говорили долго. Я понял, что с ним бесполезно спорить. По-моему, Дубава для нас потерян. Из-за него опоздал на заседание делегации. На прощание он меня решил, видимо, «порадовать». Говорит: «Я знаю, Павка, что ты еще не окостенел и не стал чиновником, который голосует «за» потому, что боится потерять место, но ты из тех, что, кроме красного знамени, ничего больше не видят».

Вечером у Анны были все киевляне, Жаркий и Шумский. Она уже была в ГубККА, и мы признали поступок ее совершенно правильным. В Харькове я пробыл восемь дней. Несколько раз виделся с Анной в ЦК. Она поменялась квартирой. От Таля узнал, что Анна делает аборт. Разлом с Митяем, видимо, бесповоротен. Таля осталась в Харькове на несколько дней помочь в этом.

В день, когда мы уезжали в Москву, Жаркий узнал, что Дубаве парттройка вынесла строгий выговор с предупреждением. Оказывается, комвузовское бюро высказалось за эту предпоследнюю меру. Это спасло Дмитрия от исключения.

В партере становилось тесно, а людской прибой продолжался, кругом все говорило, смеялось. Этот невиданный приток энергии, которая так кипуча в большевистской юности, жизнерадостной, стремительной, как поток горной реки, принимал в себя великан-театр. Шум нарастал».